

**Григорий Харитонович Богданов –
общественно-политический деятель и
первый северно-карельский
собираатель и исследователь народной культуры и языка¹**

Имя Григория Харитоновича Богданова практически неизвестно даже в кругу краеведов. Между тем, этот человек, проживший совсем короткую, но очень яркую и трагическую жизнь, достоин того, чтобы его знали и помнили. Он был уроженцем северной Карелии, первым из земляков начал собирать карельский фольклор и исследовать родную культуру. В качестве параллели в культурологическом плане можно привести не менее значимое имя южного карела Николая Феофилактовича Лескова, статьи которого публиковались в «Живой старине» в конце XIX-го века. Но, в отличие от него, Григорий Харитонович Богданов внес заметный вклад и в общественно-политическую жизнь Карелии. Он стоял у истоков не только образования нашей республики и ее правительственных органов, но и становления карельской гуманитарной науки и журналистики. Ю.Ю. Сурхаско назвал его первым карельским этнографом². А. С. Степанова и Н. А. Лавонен – первым фольклористом. Его имя и краткая биография есть в сборнике, посвященном историкам СПбГУ³. Его перу принадлежат уникальные, самые первые записи как северно-, так и южно-карельского фольклора, сделанные в двадцатые годы прошлого века и хранящиеся в рукописном фонде Научного архива КарНЦ РАН.

У истории, конечно же, нет сослагательного наклонения, но судя по биографии, немногочисленным опубликованным научным работам и собранным им фольклорно-этнографическим материалам, Григорий Харитонович мог сделать блестящую карьеру не только в карельской, но и в российской науке или политике. И не смотря на это, его жизнь до сих пор является практически неизвестной страницей в историографии Научного архива КарНЦ РАН и в целом истории Карелии.

Когда я начинала готовить статью, сведений о биографии Г. Х. Богданова было немного, их приходится собирать по крупицам, подчас они противоречили друг другу. Не были известны ни место, ни дата, ни причины смерти. Некоторые загадки остались неразгаданными и сегодня.

¹ Доклад и статья подготовлены в рамках плановой темы: «Фольклорные традиции и рукописная книжность Карелии в общерусском и финно-угорском контекстах». № 0225-2014-0016.

² Сурхаско Ю. Ю. Козичендашаува – жезл колдуна на карельской свадьбе // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 28. Из культурного наследия России. Л., 1972. С. 201.

³ Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII-XXвв. СПб., 2012. Электронный ресурс: bioslovhist. history.spb.ru

В Научном архиве КарНЦ РАН хранятся фольклорные материалы, собранные Ристо Богдановым в Южной и, в основном, Северной Карелии в конце двадцатых годов XX-го века. Здесь же находятся рукописные подлинники его статей, немногочисленные дневниковые записи, посвященные фольклорно-этнографическим экспедициям⁴, а также автобиография⁵. Кое-что удалось обнаружить в документах Архива РАН⁶. В статьях и книгах некоторых земляков и исследователей встречаются упоминания о Григории Харитоновиче. Весной 2017 года удалось найти его родственников в Финляндии (внучатый племянник Симо Каннелсуу) и в г. Апатиты (правнук Ю. В. Иванов), которые прислали неизвестные до этого архивные документы и биографические сведения.

В 1963 году известный карельский писатель Н. М. Яккола, который был лично знаком с Богдановым, в журнале «На рубеже» опубликовал небольшую статью об Ухтинской республике и партизанской деятельности совсем молодого Ристо⁷. В 1987 году Дарья Шахтарина, правнучка знаменитого рунопевца Онтрея Малинена, в статье, посвященной одному из центров рунопения, деревне Войнице, вспомнила и о земляке, успевшем за свою короткую жизнь многое сделать для родной Карелии⁸. А. Афиногенов на сайте, посвященном Войнице, также разместил имеющуюся у него информацию⁹. Весь этот материал использовался при написании статьи.

Григорий Харитонович Богданов родился (по старому стилю) 1 декабря 1900 года в д. Войница (в Теппанниеме) Ухтинского (ныне Калевальского) района Вокнаволоксской волости Кемского уезда. Эта официальная дата фигурирует во всех документах. Но как стало известно, реальной датой рождения является 12 апреля 1901 года. Вот как пишет правнук о причине смены даты: «Как следует из дневника моей бабушки, он родился 1 декабря 1900 года. К сожалению, причина неизвестна, но факт изменения даты его рождения был. Я помню, что бабушка мне говорила об этом факте, но причины она сама не знала».

Земляки звали его Хариттананан Рийко или Ристо. В Теппанниеме на Лонккалан Тёрмя стояла небольшая избушка Харитона Богданова, рядом были дома двух братьев, а напротив, на холме, располагалась церковь. Д. Шахтарина пишет, что в конце восьмидесятых годов от избы, в которой жил Григорий, «осталась лишь замшелая груда печных камней, вокруг которой росла трава, красивые березы и сосны»¹⁰.

Символично, что теперь совсем рядом, на том месте, где в своё время была изба Ваасилы Киелевйяйна, стоит памятный знак «Камень Ваасилы Vaasilan kivi», посвященный северно-карельским рунопевцам (автор М. Айха). Памятник установлен 18 сентября 1995 года Карельским Просветительским обществом (Karjalan Sivistysseura) в сотрудничестве с обществом "Калевалы" (Kalevalaseura).

Нам удалось получить из Финляндии генеалогическое древо семьи Богдановых. Как следует из него, Ристо происходил из старинного рода карельских рунопевцев Карьялайненых-Киелевйяйненых. Его прапрадед Филипп, 1785 года рождения, и его брат Мартын, 1783 года рождения, известный как Martiska из Lonkki, были знаменитыми исполнителями и сочинителями эпических песен. Как пишет А. Р. Ниemi, их по всей северной Карелии знали как «лучших певцов»¹¹. От них записывали руны и Э. Леннрот, и А. Борениус, и другие финские собиратели. Их отец переселился из Хухмарнаволока (Куусамо) в Войницу, где и женился. Но, не поладив с односельчанами, он основал деревушку Лонкка, которая получила свое название по его большой лошади. Сыновья Мартына, Максим и Степан, а также его дочь тоже знали и

⁴ НА КарНЦ РАН. Фонд 1, опись 2, коллекции 1, 11, 50, 91, 154.

⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1-2.

⁶ Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: <http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225>

⁷ Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 98-101.

⁸ Šahtarina D. Runokylä Vuonniinen // Punalippu. 1987. №1. С. 92-107; Электронный ресурс: <http://www.voinitsa.ru/pages/art7.aspx>.

⁹ Электронный ресурс: voinitsa.ru/войница.pф, 2014

¹⁰ Šahtarina D. Runokylä Vuonniinen // Punalippu. 1987, № 1. С. 92.

¹¹ Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki, 1921. S. 1136. О Мартыне есть информация и в книге Lotte Tarkka "Rajarahvahan laulu".

эпические песни, и заклинания. Записи от всех них хранятся в Фольклорном архиве Финского литературного общества (SKS) и опубликованы в многотомном собрании эпической поэзии «Старые руны финского народа» (SKVR).

У деда Григория Луки была трагическая судьба. Он коробейничал, и в мае 1885 года по пути в Финляндию был ограблен и убит рядом с Viitasaari, у водопада Huopankoski. Сейчас на месте его гибели стоит памятный крест, поставленный родственниками.

Отец Ристо Харитон Лукич Богданов родился в 1865 году. В тридцать пять лет он женился на восемнадцатилетней Агафье Андронниковой, происходившей из известного рунопевческого рода Киелевяйненых. От ее деда Ваасилы Киелевяйнена тоже записывал руны Э. Леннрот.

Семья была бедной, с четырьмя детьми: старший сын Рийко и трое младших: Михаил, Семен и Арсений. Мать умерла молодой во время родов, когда Григорию было 13 лет. Новорожденная девочка Анни тоже вскоре умерла. Отец женился второй раз на Матрене Никитиной из рода Леттиевых, которая была на 11 лет старше его. Жизнь была очень тяжелая, голодная.

По воспоминаниям односельчан, Ристо с большим желанием учился в деревенской школе, очень много читал, что тогда встречалось нечасто в карельской глубинке. Вот как вспоминает это Ольга Лехтинен: «Да, этот Хаританнан Рийко был умным и смелым. Он никак не хотел подчиняться палочной дисциплине учителей. Чтение и правописание он учил жадно, но молитвы батюшки не воспринимал. И удивительно, что он уже тогда мог рассказать нам о значении свержения царской власти, о чём мы вообще ничего не знали. Откуда он мог знать такие политические вещи? Наверняка вычитал из книг, он ведь всегда ходил с книгой под мышкой. А книги он, вероятно, принёс со стороны Мурманки»¹².

Как следует из автобиографии, написанной 16 сентября 1929 года, Ристо после окончания народной школы «малолетним попал в Финляндию, где окончил высшее народное училище»¹³.

С 1914 по 1919 года Ристо вместе с младшим братом батрачили у зажиточных односельчан, работали на лесозаводах и строительстве Мурманской железной дороги, пилили шпалы и дрова. Ристо успел поработать и чернорабочим, и грузчиком, и кочегаром, и машинистом. Именно работая на железной дороге, Ристо увлекся идеями большевиков. Он, как сам пишет в автобиографии, участвовал в двух забастовках, после которых его увольняли с работы¹⁴.

В первые послереволюционные годы обстановка на севере Карелии была очень сложной. Власть менялась иногда дважды в год, новости из Финляндии сюда доходили быстрее, чем российские.

Зимой 1919-1920 годов жаждущий знаний Ристо Богданов учится на краткосрочных курсах Финской учительской семинарии, организованных Ухтинским правительством¹⁵. Но он не был согласен с идеологией профинского национализма. Поэтому весной 1920 года, когда стали подходить войска Красной армии и курсантов вооружили, он сбежал из семинарии в родную Войницу, собрал мужиков и организовал партизанский отряд. Партизанские отряды под командованием Г. Богданова и Г. Лежеева «начали сами освобождать приграничные волости от отрядов самообороны Ухтинского правительства»¹⁶. Об этом пишет не только Н. Яккола и Я. А. Балагуров¹⁷, но и сам Григорий Христофорович в одной из своих статей: «Когда в конце апреля красные военные части (6-ой финский полк) продвинулись на Ухту, то крестьянство Вокнаволоксской волости деревень Войницы, Суднозеро, Ладвозеро и Каменное Озеро сорганизовалось в тылу у войск "Ухтинского правительства" в Красные партизанские отряды под руководством Лежеева Григория и Богданова Г. Х.»¹⁸. Примечательно, что про Григория

¹² Šahtarina D. Runokylä Vuonniinen // Punalippu. 1987. № 1. С. 92.

¹³ Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: <http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225>: НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

¹⁵ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

¹⁶ История Карелии. С древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 425.

¹⁷ Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 128.

¹⁸ Богданов Г. Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда. (Годы 1918-1921) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10-11. С. 11.

Лежеева Ристо здесь же делает примечание, которое ярко характеризует и его самого: «тоже собирал фольклор, т.е. привлекали к работе по идейной составляющей в том числе»¹⁹. Это было весьма показательным для тех лет.

Вместе с Ристо встал на защиту октябрьских завоеваний и его младший брат Мийхкали. В июне партизаны своими активными действиями способствовали освобождению Вокнаволока 6-м финским полком Красной армии и изгнанию отрядов Ухтинского правительства в Тихтозерскую волость.

Позже, по сведениям родственников, Мийхкали принял участие в восстании лесных партизан и погиб 5 февраля 1922 года под Понкалаhti. Партизаны устали и уже отдыхали, когда их настигли красные курсанты-лыжники из отряда Т. Антикайнена. Михаил был застрелен во время попытки скрыться через окно.

В тот же день 5 февраля Харитон с двумя братьями, с женой и двумя младшими сыновьями Семеном и Арсением из Войницы через Лонкку бежали в Финляндию. На родину они уже не вернулись. Харитон с семьей поселился в Soini, занимался торговлей в разнос и мелким земледелием.

Участвуя в изгнании вторгшихся в Беломорскую Карелию добровольческих финских отрядов, командир партизанского отряда Ристо Богданов (по некоторым сведениям под его командованием находилось около 40 человек) в конце июля под Хирвисалми был тяжело ранен и отправлен в Петрозаводск на лечение²⁰. В своей статье Н. Яккола вспоминает Григория очень молодым «темноволосым круглолицым юношей», который с маузером наперевес во главе партизан врывается в деревню Кивиярви²¹.

Как сообщил Ю. В. Иванов, правнук Григория, за успехи в боевых действиях он был награжден золотыми часами. Часы, к сожалению, не сохранились, во время Отечественной войны были обменяны на продукты. Но в семье хранится наградной лист Григория Харитоновича. В грамоте на русском и финском языках написано: «Дорогой товарищ Богданов Г. Х. В годы борьбы трудящихся Карелии с белобандитами, пытавшимися задушить молодую советскую республику, Вы, будучи активным участником красных партизанских отрядов, оказали существенную услугу власти Советов и во многом способствовали ее победе над агентами мировой буржуазии. В пылу пожарищ, оваянный порохом в жесточайших битвах с белогвардейцами и насильниками-интервентами, Вы стойко боролись за право автономной советской Карелии, за великое дело пролетарской революции. Ваша работа вписана блестящей страницей в историю великих классовых битв за национальное освобождение трудящихся Карелии от посягательств буржуазных наймитов. В ознаменование Ваших заслуг Карельский Центральный Комитет Советов в день десятилетнего существования автономии Карелии награждает Вас часами». Подписана грамота была в Петрозаводске 4 августа 1930 года председателем и секретарем ЦИК КАССР.

Об этом времени большую статью «Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда» написал и сам Г. Х. Богданов. В 1927 году она была опубликована в журнале «Карело-Мурманский край». Безусловно, в статье есть некоторые исторические неточности, она написана в духе того непростого времени. Как пишет А. Афиногенов, это статья «сложной судьбы... в своё время статья Богданова была сочтена «недостаточно советской», тогда как сегодня она кажется «избыточно советской»²². Прочитаем ее заключительный абзац, ярко отражающий идеологию тех лет. Обратим внимание, в первую очередь, на то, что Григорий Харитонович выступает как патриот Карелии и родного народа: «Трудовое крестьянство Ухтинского уезда прошло суровую политическую школу: оно являлось орудием в руках

¹⁹ См. про дневники Г. И. Лежеева в статье: Иванова Л.И. Архивная коллекция записей экспедиции 1956 года в Северную Карелию (по материалам прибалтийско-финского фольклорного фонда Научного архива КарНЦ РАН) // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Материалы VI научно-практического семинара. Петрозаводск, 27-28 марта 2013 г. Петрозаводск, 2013. С. 46-57.

²⁰ Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 100; Афиногенов А. Ристо Богданов и его статья // Электронный ресурс: voinitsa.ru/ / войница.рф, 2014.

²¹ Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 98-101.

²² Афиногенов А. Ристо Богданов и его статья // Электронный ресурс: voinitsa.ru/ / войница.рф, 2014.

различных империалистических акул, оно вело борьбу против собственной карельской буржуазии. В этой школе оно поняло, что только в тесном союзе с трудящимися СССР можно поднять своё хозяйство, можно улучшить свою жизнь. И пусть не думают финские империалисты напасть больше на Карелию, карельские труженики все, как один, уже давно на своих собраниях и съездах сказали: "Руки прочь от Советской Карелии!"»²³.

Молодой стране Советов были необходимы такие горячие, убежденные и умные защитники революционных завоеваний. Именно благодаря этому сочетанию коммунистических убеждений, природной одаренности и образованности, знанию финского и карельского языков перед Григорием Харитоновичем Богдановым открылась, как тогда говорили, «широкая дорога в светлое будущее».

Вот как описывает еще одну встречу с Ристо Н. Яккола: «Спустя три или четыре месяца мне тоже представилась возможность побывать в Петрозаводске, где я снова увидел Ристо Богданова. Вокнаволоцкий волостной исполком командировал меня на учительские курсы. Однажды в двухэтажное здание бывшей духовной семинарии, где готовились первые учительские кадры Советской Карелии, пришёл секретарь Карельского обкома комсомола Черных. С ним был Ристо Богданов. Они созвали собрание, и Ристо произнёс перед нами на финском языке речь. После этого началась запись в комсомол. Выстроилась целая очередь, ибо почти все выразили желание вступить в комсомол. Это было 12 декабря 1920 года»²⁴. В 1920 году стал комсомольцем и Григорий.

В начале 1921 года (по другим данным – уже в 1920 году) Г. Х. Богданов (как организатор партизанского отряда, сформированного во время Гражданской войны из крестьян Вокнаволоцкой и Тихтозерской волостей) был избран в ревком Карельской трудовой Коммуны от карельских волостей Кемского уезда. В высшем органе власти недавно образованной Карельской трудовой коммуны он работал до Первого Всекарельского съезда Советов²⁵.

В Петрозаводске в 1922 году Ристо вступил в Коммунистическую партию (ВКП(б), билет № 0957793)²⁶.

После этого Григория по личной просьбе отправляют в Москву на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока²⁷, лекторский курс которого окончил в 1924 году²⁸. Во время летних каникул он «привлекался на партийную и советскую работу как член Ухтинского Уездревкома»²⁹. Также в этот период он занимался организацией школ на севере Карелии, руководил отделом народного образования Ухтинского уезда³⁰.

В начале двадцатых годов предпринимались первые шаги по организации литературного процесса в Карелии. Начинают работать первые литературные кружки. Ристо так же входил в один из них (его организовал в Ухте Арви Нумми) и участвовал в выпуске рукописного журнала "Nuori gaataja" («Молодой труженик»)³¹.

²³ Богданов Г. Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда. (Годы 1918-1921) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10-11. С. 7-13.

²⁴ Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 100.

²⁵ История Карелии. С древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 432; НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

²⁶ Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 100; Сведения от родственников.

²⁷ Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина (КУТВ) действовал в 1921–1938 годах. Это было учебное заведение Коминтерна, созданное при Наркомпросе РСФСР и предназначенное для подготовки партийной номенклатуры в советских национальных республиках и для идеологической подготовки иностранных студентов из стран Азии. КУТВ был в большей степени партийным, чем научным учебным заведением. Студенты КУТВ проходили военное обучение в летних лагерях. Многие сотрудники и студенты КУТВ подверглись репрессиям в 30-е годы.

²⁸ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

²⁹ Балагуров Я.А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 128; Курочкин М. И, Реттиев В. М. Калевала. Города и районы Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 62.

³⁰ Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

³¹ Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск, 1969. С. 65.

После окончания Коммунистического университета Г. Х. Богданов вернулся в Карелию. Он преподавал в Школе II-ой ступени, Совпартшколе. В 1924-1925 годах был редактором газеты "Punainen Karjala", затем до 1927 года – заведующим орготделом Укома ВКП(б) и Уполномоченным Областной контрольной комиссии, то есть совмещал партийную и педагогическую деятельность³².

Двадцатые годы были временем ожесточенных дискуссий и разногласий как в политической, так и в культурной жизни Карелии. Григорий Харитонович не оставался в стороне от них. Он принимал участие в создании первой писательской организации в Карелии – Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП)³³. 8 июля 1926 года на организационном собрании петрозаводских литераторов был обсужден и принят ее устав, что положило начало «широкому развитию литературного движения в республике»³⁴. В КАПП первоначально входило только 14 членов, в том числе Ристо Богданов. Богданов рассматривал создание КАПП как одно из звеньев, связующих устное народное творчество с будущим литературным рассветом, в наступлении которого он не сомневался³⁵.

Впоследствии Г. Х. Богданов, по всей видимости, сам сознательно предпочел научную карьеру политической, хотя и в дальнейшем много занимался общественной работой и никогда не забывал о родной Карелии.

В конце двадцатых годов в Петрозаводске Григорий на одном из концертов знакомится с молодой девушкой, певшей в хоре, Надеждой Николаевной Мартыновой. Она родилась в г. Выборг. Как пишет правнук, «она окончила гимназию и еще какое-то учебное заведение в Санкт-Петербурге для мещанских детей. В результате преподавала в различных учебных заведениях русский и финский языки».

Стремление к новым знаниям и научной работе у Григория все возрастало. Как он сам пишет в автобиографии: «Фольклором и родным языком начал интересоваться уже в 1916 году, тогда мною было собрано довольно большое количество фольклорных материалов, которые во время бандитизма пропали. Но, не имея специальной школы и соответствующих условий для работы, не имел возможности что-либо сделать до тех пор, пока в 1927 году не поступил в Северо-Западную этнологическую экспедицию Академии Наук СССР. После чего я был оставлен при КИПСе Академии Наук СССР практикантом»³⁶. Таким образом, в апреле 1927 года Г. Богданов становится практикантом Русско-финской секции КИПС АН СССР (Комиссия по изучению племенного состава СССР).

Вскоре Григорий Харитонович женится на Надежде, и они переезжают в Санкт-Петербург. В 1928 году у них родилась дочь, которую отец назвал Эльгой. Как пишет мне правнук, Эльга очень гордилась отцом и «рассказывала о нем очень восторженно».

С 1928 года он является ассистентом ЛГУ и читает там курс лекций по карельскому и финскому языкам, а в Педагогическом институте им. Герцена - по финно-угорскому фольклору.

В течение 1927-1928 годов он участвует в трех Северо-западных этнологических экспедициях, предпринятых русско-финской секцией КИПС. Их основной целью было исследование современного состояния материальной и духовной культуры северной Карелии. Сохранилось одно из удостоверений под № 3894, которое было выдано 30 мая 1929 года. В нем написано: «Предъявитель сего практикант Комиссии по изучению племенного состава населения СССР АН Григорий Харитонович Богданов командирован Академией наук СССР в Карельскую АССР для участия в работе Карельской экспедиции с 1 июня по 15 июля сего года. Академия Наук СССР просит все правительственные, государственные и ученые учреждения, а также должностных и частных лиц не отказать Богданову Г. Х. в содействии как в пути

³² НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 1.

³³ Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

³⁴ Летопись литературной жизни Карелии (1917-1961) / Сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963. С. 42.

³⁵ Bogdanov G. Uuden uran uurtajille // Punakantele. 1928. N 1. S. 2; Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 45.

³⁶ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

следования, так и при исполнении возложенного на него Академией научного поручения». Как покажет практика, экспедиционные выезды проходили в нелегких условиях: не хватало денег, не всегда представители государственных органов шли навстречу, порой считая эту работу маловажной.

Но на деле в эти годы была проделана огромная работа. Это можно представить на примере одной из экспедиций. В марте-апреле 1928 года Олангский отряд, в который входили научные сотрудники Л. Л. Капица, Г. Х. Богданов и фотограф-кинооператор С. П. Иванов, на лошадях и оленях проехал по маршруту: Кестеньга - Оланга – Вартиолампи Рувозеро – Вартиолампи – Зашеек – Кундозеро – Хирвинаволок – Княжая Губа. Богданов отвечал за сбор фольклорного и лингвистического материала, а также сведений по молодежному быту и досугу. Иванов сделал 160 фотографий и снял 400 метров кинофильма. Научное руководство и режиссуру осуществлял Л. Л. Капица³⁷. В этой экспедиции, как пишет сам Г. Х. Богданов, он записал два заговора (от укуса змеи и от ранения железом), лиро-эпическую песню на сюжет «Сваты (женихи) из-за моря» и другой фольклорный материал³⁸.

Ристо родился в сокровищнице карельских рун, в детстве он застал последнюю стадию активного бытования традиционных фольклорных жанров, когда они еще служили не для развлечения публики, а были неотъемлемой частью повседневной бытовой жизни карелов. Поэтому интерес к фольклору и родному языку был у него неслучаен. Он был первым местным жителем северной Карелии, который начал сперва по собственному почину, а затем под руководством известных ученых (в первую очередь, профессора Д. А. Золотарева) собирать и исследовать фольклор родного народа. Основной фольклорно-этнографический материал он записал на севере Карелии, но одна поездка состоялась и в Пряжинский район (д. Святозеро). Тексты, собранные им, уникальны. Это не только эпические песни и сказки, жанры вызывавшие основной интерес как у собирателей, так и у исследователей. Он первым из карельских собирателей записал детский фольклор, около двадцати обрядовых (свадебных и похоронных) плачей, заговоры. Те причитания, которые записал Григорий Харитонович «ценны для нас как первые, самые ранние записи. Некоторые из них, например, свадебные плачи брату и патьвашке в позднейших записях по этому ареалу уже не встречаются³⁹. Поездки Г. Х. Богданова были своего рода разведкой, давшей хорошие результаты, позволившей выявить состояние и формы бытования народной поэзии в крае⁴⁰. Ему принадлежат самые ранние и подробные записи свадебного обряда Ухтинской Карелии. Богданов первый из отечественных ученых записал ёйги, бытовавшие только на севере Карелии, и начал готовить статью об этом уникальном жанре. В Пряжинском районе (Святозеро) он собрал прекрасную коллекцию частушек, а позднее первый написал интереснейшую статью о них, но не успел опубликовать ее. Он единственный, кто в эти годы обратился к жанру мифологической прозы и записал около двадцати быличек. Эти сюжеты сами по себе бесценны и некоторые из них нигде больше не будут записаны. Этот жанр не будет никого интересовать вплоть до семидесятых годов, поэтому его коллекция несказочной прозы оставалась единственной в Научном архиве КарНЦ РАН на протяжении почти полувека. Г. Х. Богданова очень интересовала именно заклинательная поэзия и различные верования, что было нетипично для собирателей и исследователей того времени. Он не только как знаток фольклорной традиции, но и человек, выросший в творческой атмосфере, впитавший с молоком матери традиционную ментальность, понимал, что карельские верования, обряды и представления – это основа народной жизни, квинтэссенция народного мировосприятия.

В книге К. Раажасте “*Vuokkiniemen historia*” на странице 176 есть фотография, на которой изображен Ристо Богданов, записывающий Кузьму Ахо в Ладвозере в 1927 году.

³⁷ Песенный фольклор кестеньгских карел / Издание подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989. С. 15; Карело-Мурманский край. 1928. № 6. С. 28; Экономика и статистика Карелии. 1928. № 1. С. 132-133.

³⁸ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 1.

³⁹ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 1, ед. хр. 37а, 38с.

⁴⁰ Карельские причитания / Издание подг. А.С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976. С. 9.

Полевые материалы, фольклорные и этнографические, собранные Ристо Богдановым, частично еще при жизни публиковались в научных сборниках⁴¹, «Трудах КИПС», журналах («Карело-Мурманский край», “Punakantele”) и газетах («Punaine Karjala»). В 1928 году был издан «Список населенных мест КАССР». Для этого издания Г. Х. Богданов сначала собирал материал вместе с другими учеными, а затем транскрибировал топонимы и составлял фонетические замечания к ним⁴². Позже сотрудники Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН постоянно обращались к собранному Григорием Харитоновичем материалу и публиковали его в сборниках эпических и лирических песен, причитаний, ёйг, частушек и мифологической прозы⁴³.

Многие образцы текстов во время подготовки к публикации им самим были переведены. То, что это перевод самого Богданова доказывает, например, лист 57 из коллекции 11, на котором и подлинник и перевод записаны не только схожим почерком, но и одинаковыми чернилами. Но как он сам пишет в автобиографии, «эти материалы полностью не обработаны. Только незначительная часть их появилась в печати»⁴⁴.

⁴¹ Богданов Г. Х. Свадьба Ухтинской Карелии // Карельский сборник. Л., 1929, с. 36-64; Богданов Г.Х. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии: по материалам Северо-Западной этнологической экспедиции Академии Наук // Карельский сборник. Л., 1929. С. 65 – 106; Капица Л., Богданов Г. Забытая могила (памяти народного певца-сказителя Михаила Архиповича Пертуева) // "Карело-Мурманский край", 1927. № 9. С. 24 – 26; и другие статьи.

⁴² Список населённых мест Карельской АССР (по материалам Переписи 1926 года) / Karjalan A.S.N.T:n asuttujen paikkojen luettelo. (Vuoden 1926 väenlaskun ainehaston mukaan). Петрозаводск, Издательство Статистического Управления, 1928. 160 с.

⁴³ Карелиан эпическоит паёт / Составления и литературной обработка И. В. Пажлакован. Общей редакция В. С. Королеван. Петрозаводска, 1939. С. 37-48, 79-81.; Сампо. Сборник эпического фольклора / Ст., перевод и комм. В. Евсеева. Ред. Ф. Егорова. Петрозаводск, 1949. С. 8-11; Карело-финские эпические песни / Под ред. академика Ю. М. Соколова. Петрозаводск, 1941. С. 30-40, 64-74; Karjalan Kansan runot. I. Kalevalanaiheiset kertovaiset runot / Kokooppannut. V. Evseev. Tallin: Eesti Raamat. 1980. S. 27-48; Karjalan Kansan runot. II. Muite kertovaisia runoja / Kokooppannut. V. Evseev. Tallin: Eesti Raamat. 1980. S. 5-13; Карельское народное поэтическое творчество // Подг. и перевод текстов В. Я. Евсеева. Отв.ред. В. М. Сидельников. Л., 1981. С. 20-22, 103-104, 158, 178. Карело-финский народный эпос. Кн. 2. / Сост. и вст. ст., перевод, прим В. Я. Евсеева. Отв. ред. тома У. Б. Далгат. М., 1994. С.34-35, 53-55, 72, 158-159; Карельские причитания / Издание подг. А.С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976. С. 80-82; Карельские ёйги / Изд. подгот.: Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск, 1993; Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. М., 2012.

⁴⁴ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

coll. H 5
N 32 (132)

~~N 500~~

Navon ruhojen lto.

<p>1. Väsy ottaa hajotaa furamalla 2. huen kuormaa, da silas lehmän- piškä solmimatta da sanuo: 3. 'Mullan muikkus, 4. Muan silakka, 5. Ainut ahokanani, 6. Tytke kielles kapiie 7. Alla laihan piälakes, 8. Alla kolmen hylkiluus. 9. Oteri heitä kielillä, 10. Sima mussas suloa, 11. Voija mitalla 12. Alla aivan korreiksi, 13. Jokki kushilla tulis, 14. Eikä mövillä mömia.</p>	<p>Куды куды сыбани куды ил дупеа и с. в. 1901 да бер уна на м. 1901 куды ил дупеа и с. в. 1901: Ривурика селени, Селска селени, Вигурибанан курокка рочу Куды жбой усами жбой поджымы Пог твое матура Ковола Пог твое тры рочу. Мед евапи тваин дтени Сох во ртну раеталаи Суатывай жбой на селос С миду совершенто эгубова Пмобот на боим бабьной, И ктотот не замывана.</p>
--	--

Ouli Miikkalin kylä Karhujeva 86v.
 Lohjassa 19/10-27.

Следует отметить наличие, чаще всего, полной паспортизации записанного Г. Х. Богдановым материала: указано место записи, дата, имя и возраст исполнителя. Это встречается далеко не у всех собирателей.

В конце автобиографии в 1929 году Григорий Харитонович пишет: «Получил от Финского литературного Общества награду за высланный ему Академией сборник собранных мною рун. Остальные материалы находятся отчасти в рукописях, отчасти напечатаны в разное время в журналах и газетах... Языковые материалы отчасти использованы в моей работе по транскрибированию списка населенных мест Карелии и при составлении фонетических замечаний к нему»⁴⁵. Что это был за «сборник рун», где он сейчас? Что за награду получил Григорий Харитонович? Ответов на эти вопросы у нас пока нет. Но известно, что в Фольклорном архиве Финского Литературного общества (SKS) хранятся материалы, собранные им, а также его письма К. Крону.

Г. Х. Богданов не только пешком обошел многие деревни северной Карелии, записал от жителей уникальные образцы фольклора. Он проводил собрания и умело объяснял неграмотным крестьянам, не знающим русского языка, политику Коммунистической партии, проводил беседы о международном положении, что было актуально в те годы. Ристо не забывал и родную Войницу. Последний раз он побывал в ней летом 1928 года. Вот как об этом вспоминал Сийри Малинен: «В нашей деревне всё больше говорили о получившем образование войничанине Ристо Богданове и гордились им. И теперь этому человеку удалось вырваться к нам домой! Видный, немного кудрявый темноволосый тридцатилетний мужчина. Он говорил с отцом и мачехой, записал от них много рун и преданий. Потому что мои родители, видишь ли, были сочинителями рун. Гость так увлёкся, что остался на ночь. На следующий день Ристо собрал деревенскую молодежь в клубе и рассказывал о Советах, комсомоле и задачах молодежи в строительстве новой жизни. Он призывал молодежь отправляться учиться. В заключение все вместе пели революционные песни»⁴⁶.

Таким же горячим и заинтересованным Григория вспоминает Н. Яккола во время их последней встречи: «Последний раз мне удалось встретиться с Ристо в 1928 году в Ленинграде, у него дома, на Петроградской стороне, по улице Красных Зорь, 26/28»⁴⁷. Мы пили кофе, вспоминали прошлое и говорили о будущем. Ристо был по-прежнему непосредственный и пылкий. Он горячо говорил о "тайнах языковедения"⁴⁸.

По результатам трех экспедиций Академией Наук были изданы «Карельский сборник» и «Западно-финский сборник», в которых были опубликованы ценнейшие материалы по этнографии и фольклору карел. Но это только маленькая частица того обширного материала, который успел записать Григорий Харитонович и который хранится в Научном архиве КарНЦ РАН.

Хорошо зарекомендовав себя во время этнологических экспедиций, в 1929 году Г. Х. Богданов был командирован в Петрозаводск по делам Карельской экспедиции: «для работ по изучению карельского языка»⁴⁹.

Ристо Богданов, увлекшись изучением карельских диалектов и почувствовав, что для этого нужны профессиональные знания, решил продолжить обучение в аспирантуре по языковедению. Как указано в личном деле, «1 декабря 1929 года Г. Х. Богданов поступает в аспирантуру при АН СССР по Яфетическому институту^{50, 51}», которая была именно в этом году официально

⁴⁵ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

⁴⁶ Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987. № 1. С. 99.

⁴⁷ В Научном архиве КарНЦ мы обнаружили несколько петербургских адресов Г. Х. Богданова. Статья по материалу, хранящемуся в Научном архиве КарНЦ РАН готовится к печати.

⁴⁸ Яккола Н. М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

⁴⁹ Королькова Л. В. Из истории создания вепсской письменности (лингвистическая экспедиция Г. Х. Богданова 1931 г.) // Вепсы на рубеже 20-21 вв. Петрозаводск, 2008. С. 154.

⁵⁰ Яфетический институт с 1921 года располагался в Петербурге в одной из комнат квартиры Н. Я. Марра (перед войной – на Университетской набережной, 5). С 1931 г. – Институт языка и мышления АН СССР, в 1933 г. ему присваивается имя академика Марра, ныне – Институт лингвистических исследований РАН. Занимался теоретическим языковедением и изучением отдельных национальных языков и диалектов. Яфетический – прилагательное, связанное с учением Н. Я. Марра о едином глоттогоническом процессе, переживаемом всеми языками в их стадильном развитии. Теория происхождения, истории и «классовой сущности» языков подверглась жесткой критике, но в современной науке частично реабилитирована, так как Марр в какой-то мере предсказал основы тогда еще не существующей науки генетики.

учреждена⁵². Как написано в выданном удостоверении, аспирант «получает обеспечение в размере 170 р. в месяц».

Сохранились два отзыва на аспиранта. Первый напечатан на машинке и 19 сентября подписан академиком Н. Я. Марром: «Про практиканта АН по русско-финской секции КИПСА Г. Х. Богданова, в котором я нашел неожиданного помощника в мою первую поездку в страну северно-прибалтийских финнов, именно к карелам, как имел о том случай печатно высказаться, с полным убеждением могу высказать не только по наблюдениям в процессе работы, в котором он принял участие в Петрозаводске за время этой поездки, но и по прекрасному в пределах общепринятых требований изданию лично им собранного финского текста Калевалы, и мое мнение таково, что если бы он разгрузился от чрезмерной общественной повинности и материально был поставлен в мало-мальски сносные условия, в нем получили бы редко подготовленного, учитывая его и общественное мировоззрение, и книжную начитанность кандидата в аспиранты, с исключительным материальным знанием живых наречий карельского и суоми, да и живого быта этого же мало исследованного района. Конечно, при выборе специальности, будет ли это этнология, фольклор или лингвистика, ему придется пройти хороший курс по усвоению теоретических знаний под твердым руководством соответствующих специалистов».

Вторая рекомендация написана рукой Д. В. Бубриха 14 октября: «Г. Х. Богданов является выдвиженцем Карельской Республики. Как единственный у нас знаток карельских говоров Карельской Республики он является молодым и для нас чрезвычайно нужным. Он уже успел зарекомендовать себя рядом удачных устных выступлений и удачной экспедиционной работой. В настоящее время он также удачно читает лекции в Ленинградском государственном университете (карельский язык, финский язык) и в Ленинградском государственном педагогическом институте им. Герцена (финно-угорский фольклор). Надежды с Г.Х. Богдановым можно связывать большие».

Правление Ленинградского Областного отдела Профессионального Союза Работников Просвещения СССР тоже дало рекомендацию в Президиум Академии Наук СССР. «Г. Х. Богданов в течение двух с половиной летнего пребывания в АН СССР, ведя научную работу и занимаясь учебой, участвовал в работе коллектива ВКП(б), Месткома АН и в различных комиссиях по профлинии. На этой работе он зарекомендовал себя как активный общественник, сумевший сочетать свою учебу и научную работу с работой общественной. Учитывая это, Президиум Облпроса считает Г. Х. Богданова вполне подходящим кандидатом в аспирантуру Академии Наук СССР и всемерно поддерживает его кандидатуру».

Еще одна рекомендация от Совнаркома КАССР подписана 21 октября Г. Гюллингом как на члена Ревкома Карельской трудовой коммуны и сотрудника «различных политико-просветительных учреждений».

Сохранился план научной работы, написанный Г. Х. Богдановым 20 марта 1930 года и одобренный Н. Я. Марром 23 марта. Целью было «подготовиться к научной деятельности в области финно-угорских языков и фольклора». При этом на первом месте «стоят методологические проблемы». С другой стороны, как он пишет, «я не могу не принимать участия в культурном строительстве Карелии». В 1930 году планировалось написать работу о карельских частушках (в Научном архиве сохранилась рукопись) и о народной поэзии Карелии (эта статья опубликована). В 1931 году он должен был заняться написанием грамматики финского языка для карельских школ «с учетом особенностей карельских говоров и достижений яфетической теории» и в целом заниматься вопросами языкознания. 1932 год отводился на изучение рун «западных финнов», стадий их развития и становления их содержания и формы. В том числе для «определения характерных особенностей мировоззрения западных финнов, поскольку они выражены в изучаемых рунах». В 1933 году Григорий

⁵¹ Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: <http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225>

⁵² АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А. Н. Анфертьева. СПб., 2013. С. 21.

Харитонович должен был написать квалификационную работу по теме «Руны о сотворении мира у западных финнов», привлекая труды зарубежных и российских ученых. При этом основной целью была «критика сравнительно-географического метода скандинавской школы фольклористов с точки зрения марксизма и яфетодологии». Как показало дальнейшее развитие науки, с годами критике подверглись все три направления: и сравнительно-географическое, и марксистское, и яфетодологическое.

Поражает количество языков, которое должен был освоить аспирант. «Овладеть окончательно немецким языком до января 1931 года. Французский язык изучается мною до конца учебного 1931 года. В 1932 году теоретическое усвоение армянского и мордовского языков. В 1933 году продолжение изучения армянского языка и теоретическое ознакомление с грузинским языком». Сохранилось письменное заявление Г. Х. Богданова с просьбой разрешить поездку в Грузию с целью изучения языка. На нем стоит резолюция Н. Я. Марра: поездку «считаю весьма целесообразной и ходатайство всецело поддерживаю».

Н. Яккола с гордостью за земляка писал, что конкурс в аспирантуру «был большой, но его приняли, что говорит о его исключительной одаренности»⁵³. Григорий занимается изучением фольклора и финно-угорских языков под руководством профессора Д. В. Бубриха, академика Н. Я. Марра, языковеда Н.Н. Поппе, слушает курсы общей теории языкознания, теории литературы. Он является секретарем лингвистической секции ЛОИКФУ. В это время Григорий Харитонович прочитал ряд научных докладов в КИПСе, ИЛЯЗВе⁵⁴, Обществе изучения Карелии⁵⁵. Он становится преподавателем кафедры финно-угорской филологии филологического факультета ЛГУ, которой заведовал профессор Д. В. Бубрих⁵⁶.

Г. Х. Богданов продолжает активно заниматься общественной работой. Например, с апреля 1929 года по 8 января 1930 года он является председателем месткома АН СССР с зарплатой 150 рублей. В Архиве Российской Академии Наук сохранились некоторые документы с подписями Богданова. В частности, это Письмо от 17 декабря 1929 года с просьбой обсудить вызов на социалистическое соревнование Украинской АН работникам Всесоюзной АН с приложением вызова, за подписями председателя Месткома работников АН СССР Богданова и секретаря Шауро⁵⁷. На сайте Архива РАН есть архивный скан данного письма.

Одновременно Григорий Харитонович уделяет большое внимание культурным и образовательным процессам, проходившим в Карелии. Он продолжает писать и публиковаться в периодической печати. Появление литературно-художественных журналов “Soihtu” (1927) и “Punakantele” (1928), объединенных в 1930 году в один журнал под названием “Punakantele” («Красное кантеле»), сыграло важную роль в развитии литературы Карелии. Григорий Харитонович был сторонником создания новой литературы Карелии на уже разработанном финском литературном языке. Он считал, что северно-карельский язык чрезвычайно схож с финским и является одним из диалектов финского литературного языка, но при этом указывал на гораздо большее своеобразие южных диалектов олонеецкой Карелии. Отдельным языком он считал и вепский язык. Рукописи статей по языковедению хранятся в Научном архиве КарНЦ и будут подробно рассмотрены в ближайшее время⁵⁸.

В развернувшейся в конце двадцатых годов дискуссии, на какие традиции должны опираться писатели Карелии и какие темы освещать, он однозначно занял свою позицию. В. Аалто и его сторонники считали, что молодая литература писателей, пишущих на финском языке, должна носить интернациональный характер, «что фактически вылилось в отрицание национальной самобытности литературы, в отрицание национальной формы вообще... Некоторые участники дискуссии отрицали плодотворность использования богатых

⁵³ Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

⁵⁴ Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) — научное учреждение при ЛГУ, существовавшее в 1919-1930 годах.

⁵⁵ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

⁵⁶ Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Справочник. СПб., 1995. С. 24; НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

⁵⁷ Архив РАН. Фонд 2. Опись 1 – 1930. Дело 62. лист 1.

⁵⁸ НА. Ф. 1, оп. 2, колл. 11.

фольклорных традиций, опасаясь проявления “консерватизма”⁵⁹. Г. Х. Богданов им противостоял, уверенно пропагандируя свою точку зрения. В 1928 году в первом номере журнала “Punakantele”, органа финской секции КАПП, была напечатана его статья, в которой он призывал «опираться в развитии национальной литературы на богатые традиции устного народного творчества»⁶⁰. Богданов был уверен, что именно это приведет к будущему литературному рассвету⁶¹. В “Punakantele” печатались фольклорные тексты, ставились вопросы о развитии народной культуры карелов, о возрождении кантеле в качестве национального инструмента. Сам Григорий Харитонович неоднократно обращается к значению кантеле в карельской музыке и культуре⁶². Он пишет о карельских рунопевцах⁶³, о состоянии народного творчества и о тенденциях его развития⁶⁴.

В одной из своих многочисленных газетных статей Григорий Харитонович «ставил вопрос о необходимости основания в Карелии своего университета и подробно излагал, каким он, по его мнению, должен быть»⁶⁵.

И в это же время, начиная с 1927 года Григорий Харитонович поддерживает контакты с Хельсинкским университетом, ведет активную переписку с профессором Карлом Кроном. Он отправляет ему собранный материал и просит совета в своей исследовательской деятельности. К несчастью, Григорий Харитонович не имел доступа к карельской эпической поэзии, которая ранее была записана финскими коллегами. В российских библиотеках не было никакой исследовательской литературы по теме финно-угорского фольклора. Он понимал, что без всего этого невозможно написать качественную научную работу. Поэтому в 1928 году он пытается получить разрешение на учебу и работу в архиве в Финляндии, но его не дают.

19 января 1928 года он пишет Карлу Крону письмо, в котором сообщает, что собрал много рун и хотел бы понять, как они изменились. Но он не имеет этой возможности, так как в его распоряжении нет ранее записанных текстов. Григорий жалуется на то, что у него нет возможности заказать научную литературу из Финляндии, и просит выслать необходимые книги, обещая взамен прислать все, что сам напишет и запишет. Это письмо отправлено из Ленинграда, улица Большая Пушкарская, д. 59, кв. 4.

В 1930 году он предпринимает еще одну попытку получить разрешение на командировку в Финляндию (сохранилось его заявление). На этот раз он получает согласие и в результате с 20 по 25 июня 1930 года командирован в Петрозаводск «для выяснения вопросов, связанных с заграничной командировкой». Затем он едет в Хельсинки. Оттуда 12 июля он пишет письмо Крону, в котором сетует на отсутствие знакомых в Финляндии и нехватку денег. В результате профессор приглашает Григория пожить и поработать у него в Корпилахти.

25 июля 1930 года Григорий отправляет письмо в Комиссию по аспирантам АН СССР. В нем он сообщает, что из Хельсинки переехал жить в «деревню к К. Крону». Туда, по распоряжению профессора, ему были предоставлены для изучения архивные материалы и литература по скандинавской фольклорной школе. Он пишет, что «работа идет очень продуктивно», но «в ходе работы выяснилось, что придется поменять тему диссертации». Он собирается пробыть у Крона еще две недели и вернется в Хельсинки, «если не придется

⁵⁹ Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск, 1969. С. 90.

⁶⁰ Bogdanov G. Uuden uran uurtajille // Punakantele. 1928. N 1. S. 2; Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск, 1969. С. 90.

⁶¹ Bogdanov G. Uuden uran uurtajille / Punakantele. 1928. N 1. S. 2; Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 45.

⁶² Bogdanov G. Karjalan tyttärien kanteleen sontuja // Punainen Karjala. 1927. Joulukuu. S. 17; Bogdanov G. Karjalan nuorison kanteleen soitintuja // Punakantele. 1929. N 2. S. 9-11.

⁶³ Bogdanov G. Paras Keski- ja Pohjois-Karjalan runonlaulaja // Punakantele. 1929. N 2. S. 3-4; Капица Л., Богданов Г. Забытая могила. Памяти народного певца-сказителя Михаила Архиповича Перттунена // Карело-Мурманский край. 1927. № 9. С. 24-26.

⁶⁴ Богданов Г. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии // Карельский сборник. Л.: Изд. АН СССР. 1929; Богданов Г. Карельская народная поэзия // Десять лет советской Карелии. Петрозаводск: Изд. ЦИК АК СССР, 1930. С. 275-296.

⁶⁵ Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

обратно вернуться в Ленинград, так как Карелия до сих пор не высылает денег. Пришлось занять в Полпредстве СССР». Дата окончания командировки неизвестна. Судя по его письмам, он планировал поработать в Финляндии около года, но вернулся гораздо раньше.

Неизвестны на данный момент и причины, по которым Григорий Харитонович решил изменить тему диссертационной работы. Он вырос в Беломорской Карелии, в Ухтинском районе, там, где было больше всего записано эпических песен. В детстве он застал время их активного бытования, и сам был из рунопевческого рода. Он знал и любил фольклор родного народа. Но он был и коммунистом, защитником завоеваний Октябрьской революции. Исходя из всего этого, каково ему было изучать миграционную теорию К. Крона о финском и даже германском происхождении рун, которую полностью поддерживал и его учитель Д. В. Бубрих⁶⁶? Каково ему было писать работу с критикой сравнительно-географического метода скандинавской школы фольклористов с точки зрения марксизма и яфетодологии? Можно ли было все это сочетать?

23 января 1931 года Григорий Харитонович получает от Академии Наук СССР разрешение на командировку и проездные документы в Петрозаводск «для участия в Карельской конференции пролетарских писателей». Это была II конференция и проходила в Петрозаводске с 28 января по 4 февраля. В ее работе приняли участие 33 члена организации. На конференции был избран новый состав правления КАПП, в который вошли девять человек: В. Аалтонен, Ристо Богданов, Я. Виртанен, Ф. Ивачев, О. Иогансон, Ф. Трофимов, Д. Хело, а также В. Аалто и Ю. Лебединский от ленинградских писателей⁶⁷.

Но разногласия между КАПП и ЛАПП разрастаются все шире. Одним из спорных вопросов было отношение «к устному народному творчеству, в том числе к “Калевале”, иначе говоря, к наследию прошлого. Этот вопрос также представлял одну из сторон проблемы художественного метода»⁶⁸. Г. Х. Богданов на конференции карельской секции КАПП снова заявил, что, развивая карельскую национальную литературу, следует опираться на богатые фольклорные традиции. Более того, он утверждал, что поэзия в Карелии станет национальной, если она будет создаваться на основе калевальской метрики⁶⁹. Члены финской секции ЛАПП сочли эту точку зрения ошибочной и активно выступили против⁷⁰. В одной из статей они утверждали, что «Калевала» не отвечает современному содержанию пролетарской литературы; ее форма и содержание националистичны, поэтому эпос не может влиять на новую литературу⁷¹. «Эти мысли перекликались с унаследованными от Пролеткульта убеждением, что фольклор – это творчество “классово несознательных” (крестьянских), то есть мелкобуржуазных масс»⁷².

В 1932 году выходит постановление партии о ликвидации КАПП и других писательских групп. Начинается процесс искоренения «буржуазного национализма» из культуры и создание единой советской литературы в духе социалистического реализма. Новый союз писателей был организован в 1934 году.

Среди архивных документов Института яфетидологических изысканий хранится протокол совещания Учебно-методического сектора ЛОНО, посвященный «вопросам выработки письменности для бесписьменных народов Ленинградской области». На нем «от ИЯМ [Институт языка и мышления – Л. И.] выступил аспирант Г. Х. Богданов, изложивший “фактическое состояние вопроса”»⁷³. В «Отчете о работе Института за 1931 год» дважды

⁶⁶ Сойни Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М., 2009. С. 80-82.

⁶⁷ Летопись литературной жизни Карелии (1917-1961) / Сост. М. Ф. Пахомова, Н.С. Полищук. Петрозаводск, 1963. С.73.

⁶⁸ Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 55-56.

⁶⁹ Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 55.

⁷⁰ Punakantele. 1931. N 22. S. 17.

⁷¹ Nuori kaarti. 1931. N 11(241). S. 3.

⁷² Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920-1980. Петрозаводск, 1989. С. 56.

⁷³ АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А. Н. Анфертьева. СПб., 2013. С. 275.

упоминается имя Григория Харитоновича. В частности сказано: «По предложению ЛООНО, ЯИ в конце 1930 года взял на себя задачу создания алфавитов и составления букварей для двух бесписьменных до сих пор народов, проживающих в Ленинградской области – вепсов и ижор. С этой целью ЯИ снарядил в ударном порядке две экспедиции, имевшие целью собрать и разработать необходимые лингвистические материалы в их родном общественном и материальном окружении. Экспедицией к вепсам руководил аспирант Г. Богданов, экспедицией к ижорам – В. Дубов. Обе экспедиции выполнили свои задания блестяще и точно в срок. На основании собранных экспедициями разнообразных материалов (по языку, фольклору, экономике, быту и т.д.) были составлены вепсский и ижорский алфавиты, а также буквари по указанным языкам, представленные к напечатанию (к 1 августа 1931 года)»⁷⁴.

В экспедиции к вепсам в лингвистическом отряде участвовали, кроме Григория Харитоновича, студент нацменотделения пединститута им. Герцена А. М. Михкиев, ученик Д. В. Бубриха финн-ингерманландец М. М. Хямяляйнен и курсант совпартшколы вепс И. М. Гирькин⁷⁵. Д. В. Бубрих поехать не смог, хотя его участие тоже планировалось⁷⁶. Г. Х. Богданов был назначен руководителем неслучайно. К началу тридцатых годов он имел уже богатый экспедиционный опыт и был разносторонним специалистом, прекрасно знавшим фольклор, материальную и духовную культуру карело-финского населения, языковое состояние и карелов, и вепсов. Как пишет в своем отчете Г. Х. Богданов, отношение местных властей к сотрудникам экспедиции было неоднозначным. Председатель Винницкого райисполкома считал, что работа по созданию вепсской письменности – бесполезная «трата общественных денег». При этом население оказывало «всемерную поддержку» в сборе словарного материала. В результате на латинской основе был создан алфавит вепсского языка, состоящий из 28 букв⁷⁷. Подготовленный букварь назывался «Первая вепсская азбука и книга для чтения *Ezmäne vepsiden azbuk i lugendknig*» и был издан в Ленинграде в 1932 году. В качестве авторов на обложку вынесены три фамилии: Г. Богданов, М. Хямяляйнен и А. Михкиев.

Г. Х. Богданов, учитывая его происхождение из беднейшего северно-карельского крестьянства, был очень образованным человеком. Он писал в автобиографии: «Языки знаю: финский, русский; читаю по-немецки; знаю все карельские говоры; теоретически знаком со всеми западно-финскими языками и диалектами. В данное время изучаю английский язык»⁷⁸. Судя по архивным записям, он был безупречно грамотен, писал без ошибок как по-фински, так и по-русски.

30 ноября 1931 года правительство республики вынесло постановление об организации в Петрозаводске Карельского научно-исследовательского института, в котором будет шесть секций (теперь Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН). Директором был назначен Э. Гюллинг (через несколько лет он будет расстрелян), его заместителем – С. А. Макарьев. Г. Х. Богданова назначают руководителем лингвистической секции⁷⁹. Поработать он в этой должности не успел, в Научном архиве КарНЦ даже нет его личного дела.

К сожалению, на этом яркая биография нашего земляка обрывается. До последнего времени дата, место и причина его смерти были неизвестны.

⁷⁴ АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934) / Составитель А. Н. Анфертьева. СПб., 2013. С. 312.

⁷⁵ Королькова Л. В. Из истории создания вепсской письменности (лингвистическая экспедиция Г. Х. Богданова 1931 г.) // Вепсы на рубеже 20-21 вв. Петрозаводск, 2008. С. 153-157.

⁷⁶ Строгальщикова З. И. М. М. Хямяляйнен и вепсская письменность // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». Петрозаводск [Электронный ресурс]. 2016. С. 25.

⁷⁷ Строгальщикова З. И. М. М. Хямяляйнен и вепсская письменность // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». Петрозаводск [Электронный ресурс]. 2016. С. 25-26.

⁷⁸ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 18, д. 22, л. 2.

⁷⁹ Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Очерки и материалы. Петрозаводск, 2012. С. 32.

Д. Шахтарина писала: «через некоторое время войничане узнали, что их земляк, гордость деревни Ристо Богданов, скончался в Ленинграде от приступа тяжёлой болезни»⁸⁰. Н. Яккола: «он тяжело заболел и вскоре умер»⁸¹. В документах Архива РАН значится, что Г. Х. Богданов «являлся аспирантом АН СССР по Яфетическому институту по 1 октября 1932 года». В причинах отчисления значится: «отчислен по болезни»⁸².

В «Словаре историков Санкт-Петербургского университета» так же есть фото и краткие данные о Григории Харитоновиче⁸³. Здесь он числится как «Богданов (Богданов Ристо) Григорий Харитонович. Годы жизни: 1900-1931. Место рождения: д. Войница, Карелия. Место смерти: Петрозаводск. Образование: Коммунистический университет трудящихся востока в г. Москва (1924). Годы работы в СПбГУ: 1929-1930; преподаватель на кафедре угорской филологии историко-лингвистического факультета. В 1921 г. избран ревкомом Карельской трудовой коммуны. После окончания университета и до 1929 года работал в Карелии. В 1931 году назначен руководителем лингвистической секции КНИИ (г. Петрозаводск). В 1931 году тяжело заболел и скончался. Область научных интересов, значение в науке: История Гражданской войны в Карелии. Специалист по финно-угорской филологии». В качестве его основных трудов по истории петербургские историки называют статью «Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (годы 1918-1921)», опубликованную в 1927 году в журнале «Карело-Мурманский край»⁸⁴.

Как мы видим, в этом словаре датой смерти назван 1931 год, а местом смерти - г. Петрозаводск.

В книге Я. А. Балагурова годы жизни Григория Харитоновича отмечены как 1900-1941⁸⁵.

Благодаря тому, что удалось найти родственников Григория Харитоновича и связаться с ними, появилась возможность установить дату и место смерти, а так же поставленный диагноз.

В начале 1932 года Григория Харитоновича отправляют в санаторий в Крым. Как сообщил правнук, прямо оттуда его переводят в Ленинград во Вторую психиатрическую больницу.

Нам была предоставлена копия письма от 22 апреля 1932 года, в котором Комитет по подготовке кадров АН СССР обращается к гражданке Н. Н. Богдановой. «Комитет по подготовке кадров АН СССР просит освободить комнату, прежде занимаемую Вашим мужем Богдановым Г.Х., ныне находящимся в психиатрической больнице, для заселения ее аспирантом Академии Наук гр. Карташовым. Комитет кадров обязуется по получении от Вас извещения о возвращении Вашего мужа из больницы комнату освободить. Вам надлежит предупредить комитет кадров АН о возвращении гр. Богданова за две недели».

В одной из анкет, Григорий Харитонович написал, что он разведен. Но вот что сообщил правнук: «Да, они действительно были в разводе, но продолжали жить вместе до самой смерти Григория Харитоновича. Бабушка моя [дочь Григория, Эльга Григорьевна – Л.И.] мне говорила, что это было связано с получением отдельной жилплощади в Санкт-Петербурге. Поэтому был оформлен развод, а так они жили вместе. И даже когда Григорий Харитонович заболел, прабабушка с моей бабушкой постоянно ездили к нему в больницу. Но случилось так, что однажды он ее не узнал и напал на нее. Спасли санитары. После этого Надежда Николаевна перестала его посещать. Скончался он там же, в больнице. После его смерти его дочери Эльге Григорьевне была назначена персональная пенсия в связи со смертью отца. Прабабушка с дочерью уехала из Санкт-Петербурга в Петрозаводск, к своим родственникам, где она стала преподавать в Финском техникуме, так она это учебное заведение называла».

⁸⁰ Šahtarina D. Runokylä Vuonniinen // Punalippu. 1987. № 1. С. 99.

⁸¹ Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 101.

⁸² Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Электронный ресурс: <http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/7225>. Дана ссылка на дела: Ф. 222. Оп. 002. Д. 54, 948.

⁸³ Словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII-XXвв. СПб., 2012. На электронном сайте Сетевого биографического словаря уже более 560 персоналий, и он продолжает пополняться. Электронный ресурс: bioslovhist.history.spb.ru

⁸⁴ Архив, личные фонды: ОА СПбГУ. Ф.1. Опись личных карточек профессорско-преподавательского состава ЛГУ за 1920-1930-е годы. Л. 110-110 об.

⁸⁵ Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 128.

Согласно справке о смерти Григорий Харитонович Богданов скончался 9 июня 1938 года в возрасте 37 лет в Лиговском сельском совете Красносельского района Санкт-Петербурга. Диагноз: язвенный туберкулез кишечника.

Похоронен Григорий Харитонович был 14 июня 1938 года на кладбище в Красносельском районе на улице Стачек. Но место захоронения его дочь Эльга Григорьевна не смогла найти уже в восьмидесятих годах XX-го века.

Супруга Григория Харитоновича Надежда Николаевна незадолго до второй мировой войны познакомилась со своим вторым мужем. Он ушел на войну, где пропал без вести, а Надежда родила вторую дочь. В войну они попали в эвакуацию в Чувашию. После войны вернулись в Карелию, где Надежда Николаевна преподавала русский язык. Затем в Чупе она заведовала школой. Потом они перебрались еще севернее в Мурманскую область в г. Кировск, а затем в Апатиты. В 1986 г. Надежда Николаевна скончалась от сердечной недостаточности в г. Апатиты, там же в 1999 г. умерла ее дочь Эльга Григорьевна.

Работая в Научном архиве КарНЦ с рукописными записями Ристо Богданова, я обнаружила две интересные находки, представляющие личность Григория Харитоновича новой стороны.

В архивной коллекции под девяносто первым номером хранятся материалы, собранные Богдановым в Пряжинском районе (встречается название только одной деревни – Святозеро) в 1927-1928 годах⁸⁶.

Под единицей хранения № 1 записано 50 частушек. На обратной стороне девятого листа, записи на котором датированы 27 февраля 1928 года, обнаружены три портретные зарисовки простым карандашом. На двух нижних рисунках изображены двое зрелых мужчин интеллигентного вида, а на верхней части листа – кудрявая круглолицая голова.

⁸⁶ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 91, л. 9.

Два нижних изображения, возможно, посвящены учителям Григория: Николаю Яковлевичу Марру (1865-1934) и Дмитрию Владимировичу Бубриху (1890-1949).

А верхний рисунок – это, возможно, автопортрет. Именно таким, кудрявым, темноволосым и круглолицым земляки вспоминали самого юного Ристо⁸⁷. Правда, глядя на фотографию Григория, сделанную во время учебы в аспирантуре, трудно предположить, что изображение простоватого парнишки и фото молодого интеллигентного красавца – это одно лицо.

Как сообщил правнук, он ничего не знает о способностях прадеда к рисованию.

Вторая находка в **пятидесятой коллекции**. В ней только два текста записаны Богдановым, номера 46 и 47⁸⁸. Они записаны в Кимасозере 17 августа 1927 года от 68-летней Дарьи Тимофеевны Лазаревой. Это две эпические песни. Одна о ранении Вайнямёйна железом (топором), когда он делает лодку “Oli vanha Väinämöini”. Вторая – о рождении огня “Iski tulta ilman ukko”. Им здесь же сделаны переводы на русский язык.

Любопытная запись обнаружилась на обратной стороне первой записанной руны. Лист большого формата, в линейку. На нижней половине листа – отпечаток от поставленной кастрюли или сковороды. А на верхней половине, вероятно, письмо к любимой девушке, написанное карандашом. В первую очередь, поражает удивительно высокий стиль послания: «Что за вечное дрожание и трепетание перед будущим! Неужели нельзя любить и быть счастливым по-настоящему, а надо непрестанно выстраивать крепости и обводить каменные стены вокруг любимого существа. Поверь, что самые лучшие крепости это сознание обоюдной свободы.

Ты не подозреваешь, какая во мне богема, какая назойливая жажда жизни, какая неугомонная натура. Чья кровь бурлит во мне? Чьё наследие дало мне эту дерзость ума и воли, эту энергию и веру в свои силы и эту страстную натуру, которую я не мог победить? Иногда я с горечью думаю, что [ты – Л.И.] была бы счастливее, если бы судьба поставила меня несколькими ступенями ниже на лестнице увлечения»⁸⁹. Таким удивительным образом слегка приоткрывается тайная завеса и перед личной жизнью Ристо, перед его характером, устремлениями и мечтаниями.

Все это говорит о том, что парень, родившийся в глухой карельской деревушке, был разносторонне развит и одарен природою многими талантами. Он двадцать лет из своей недолгой жизни прожил в Войнице, а следующие семнадцать, стремясь к новым знаниям, разделил между Петрозаводском, Москвой и Петербургом.

Г. Х. Богданов достоин того, чтобы о нем помнили. Ристо совсем юным во время гражданской войны командовал партизанским отрядом на севере Карелии. В двадцатых годах Григорий Харитонович работал в высших органах государственной власти Карельской трудовой коммуны, принимал участие в строительстве Советской Карелии, особенно много занимаясь вопросами народного образования и просвещения, а также журналистской и общественной деятельностью. Он стоял у истоков создания в 1926 году первой писательской организации Карелии (КАПП), а в 1931 вошел в состав правления. Он учился в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда, в аспирантуре АН СССР; преподавал в ЛГУ и Педагогическом институте им. Герцена. Григория Харитоновича Богданова с полным правом можно назвать первым уроженцем северной Карелии, который начал планомерный сбор и исследование фольклора и языка родного народа. По сути, он является первым карельским этнографом, фольклористом и лингвистом.

⁸⁷ Šahtarina D. Runokylä Vuonninen // Punalippu. 1987. № 1. С. 99; Яккола Н.М. Партизан Ристо Богданов (пер. с фин.) // На рубеже. 1963. № 5. С. 98-101.

⁸⁸ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 50, л. 177-178.

⁸⁹ НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 50, л. 177